

ОЛЬГА ЩЕРБИНИНА

Культуролог, публицист, эссеист

Окончила факультет журналистики и работала в художественных программах на радио и телевидении Екатеринбурга в качестве автора и ведущей. В 90-е годы работала собкором по Уралу и Сибири Всероссийского исторического журнала «Родина». Будучи фольклористом, предприняла по собственному почину ряд экспедиций по сёлам и деревням Свердловской области с блокнотом и магнитофоном. С 2001 года живёт в Санкт-Петербурге. Публиковалась в журналах «Живая старина», «Народное творчество», «Урал», «Нева».

РУССКИЙ РОБЕСПЬЕР

Предлагаемый очерк впервые излагает версию личного присутствия и участия Якова Свердлова в расстреле царской семьи. Эту версию автор слышал в 70-е годы в Екатеринбурге в семье бывших большевиков.

Название очерка подчёркивает: во многом на русских мифах замешан и на русской почве взошёл сложный конгломерат идей, терзающих человечество с древних времён до наших дней. Русский эксперимент не удался, как не удалась Великая французская революция. Французы чтят свою Революцию, мы же способны сперва до небес восхвалять, а затем яростно втоптывать в грязь «бесов революции», не всегда стремясь прояснить до конца подоплёку и уроки своей Истории...

1.

Ильич сидел, низко опустив голову; в квартире умирающего висела напряжённая тишина. Вот Владимир Ильич огляделся, и стало видно: скуластое лицо его серо, глаза слегка заплаыли, но блестят ярким лихорадочным блеском, на шее выступила нервная сыпь. Кто сидя, кто стоя, набившиеся с вечера в квартиру застыли в тягостном ожидании. На письменном столе натужно горела настольная лампа под шёлковым абажуром, её свет жидким маслом разливался в серой полумгле, которая уже начинала редеть. Настала предутренняя минута, когда ночь миновала, а утро ещё не решилось взять верх; неопределённая, тоскливая минута между четырьмя и пятью, когда случаются безнадёжные вещи.

Впрочем, вряд ли кто из собравшихся сознавал время суток. Состояние Якова Михайловича резко ухудшилось, температура зашкалила за 40, пульс едва прощупывался. Начался бред. Председатель ЦИКа бредил готовящимся VIII съездом РСДРП, что-то диктовал, порывался встать, чтобы найти затерявшуюся резолюцию.

Прошло четверть часа в полной тишине. Но вот белая дверь из комнаты Свердлова бесшумно растворилась, и врач, высоко, как аист, поднимая ноги, на цыпочках шагнул через порог, до белых костяшек сжимая руки:

— В 4 часа 56 минут сердце Якова Михайловича перестало биться.

Клавдия Тимофеевна, жена, серая, осунувшаяся за эти десять дней, не вскрикнула, не зарыдала, поникнув в скорби. Ленин порывисто встал и, ни на кого не глядя, вышел из комнаты к телефону, из-за двери раздался его глухой, неузнаваемо изменившийся голос:

— Скончался.

Видимо, вождь звонил Стасовой, которую сменил здесь всего четверть часа назад. Зазвучали шаги: Ленин отдавал распоряжения.

Из комнаты покойного вышел другой врач — Гетье, главный врач Солдатенковской больницы, пользующий Свердлова, высокий, прямой, в старомодном сюртуке, оказавшемся под белым халатом; сюртук врач сразу снял, словно не имея больше прав на одеяние милосердия и надежды. Он прошёл в угол, опустив голову, но не так, как Владимир Ильич — скрывая скорбь, — а из чувства уважения к чужому семейному горю. Он был всего лишь «сочувствующий революции» интеллигент.

Вскоре в комнату с бесшумной вкрадчивостью вошёл скульптор снять посмертную маску. Он пробыл с покойником всего-то, показалось, несколько минут и вышел с выражением почтительности, держа на блюде в вытянутых руках голову — жёлтый восковой слепок. Желая смягчить невольную кощунственность минуты, скульптор пытался искупить её мягкой бережностью движений. Клавдия Тимофеевна Свердлова с воспалёнными расширенными глазами глянула и отвернулась; была заметна её дрожь. Да и другие отвернулись от головы на блюде, словно глумливо передразнивающей известный библейский сюжет.

Доктор Гетье вышел во двор. Древние очертания Кремлёвской стены едва проступали на сером небе, шаги неприятно громко отдавались на брусчатке. После трёх бессонных ночей голова кружилась, но возбуждение не остывало. Возле часового, охранявшего чёрный ход на жилую половину Кремля, доктор присел на опрокинутый ящик.

— Яков Михайлович сейчас скончался, — сказал он громко молодёжному часовому.

— А вы что здесь? — отозвался тот, не шелохнувшись; едва виднелся в серой мгле штык винтовки на плече.

— Я врач. Надо подписать акт о смерти, но это после, когда простятся... Ему было 34 года, — сказал зачем-то доктор, чувствуя потребность говорить, хотя с часовым разговаривать не полагалось. — Да, всего-то 34, из них половина пришлось на тюрьму и каторгу, а сколько успел!

— Герой! — выдохнул часовой неуверенно, не зная, как реагировать.

— Вот и я говорю — фанатик. Спал по пять часов в сутки. Неделю назад, весь в жару, выступал на митингах в Орле и Белгороде. И опять увлѣк речами несколько тысяч человек. А как весной бежал из Нарымского края! Гнал по льду Енисея две тысячи вѣрст на санях, дни и ночи напролѣт. А Енисей уже начинал вскрываться... Сгорел человек, — откровенничал доктор.

Да, сгорел на костре самосожженья, думал он, и как раз в серединном возрасте. Земную жизнь пройдя до половины... Медицина ещё не исследовала особенности этого рубежа, но сие известно... начиная с тридцати трёх лет жизни Христа. В 34 года умер Александр Македонский, в 35 — Карл XII и Моцарт, в 36 — лорд Байрон и Робеспьер¹. Светало.

— Русский Робеспьер умер, — несколько торжественно изрёк доктор.

— Разговаривать не полагается, — прервал его часовой. Молодое широкое лицо с низким лбом, курносое и голубоглазое, изобразило строгость. Вчерашний крестьянин, как он здесь очутился? Чего ждѣт? Молочных рек с кисельными берегами? Беловодья? Земли и воли? Крестьянство никогда не было главной заботой российской власти. Сам ритм Земли — земледельческий цикл и цикл жизни домашней скотины — диктовал уклад размеренный и непрерывный, для которого невозможен никакой отрыв от повседневности и любой всплеск разрушителен. И пока не явился пролетарий, не привязанный ни к чему, не связанный по рукам и ногам севом, сенокосами, дойками и проч., — невозможен был серьёзный переворот. Однако крестьян пока большинство, и с ними приходится если не считаться, то хотя бы заманить посулами. На гербе РСФСР изобразили колосья пшеницы, древний, ещё языческий символ в угоду народу...

Мысли доктора вернулись в комнату Свердлова. Не забыть, как он умирал, метался и бредил, ни на мгновение не отпущенный идеей, пленѣнный дух, пленный дух. Это было по-своему величественно! Слепок Якова будет похож на слепок Робеспьера, есть физическое сходство. Вот разве губы Свердлова толстоваты, нижняя выпячена, но прикрыта интеллигентской бородкой. Губы — печать древнего племени. В детстве Яков, по фотографиям судя, был некрасив с этим широким носом, но сумел создать выразительный облик человека в кожаной тужурке и в пенсне — сочетание силы

¹ Существуют «Записки» доктора Гетье, текст которых автору очерка, к сожалению, неизвестен. В «размышлениях» доктора автор здесь и далее использует художественный домysel.

и власти с печатью канцелярских занятий. Временами Яков, правда, похож на тёмную обезьянку, но чёрные печальные глаза прекрасны. Бархатные глаза, бархатный голос. Между глазами и голосом, безусловно, существует корреляция. Правда, его низкорослость и сухощавость... 156 сантиметров — для мужчины почти катастрофа; известно, малорослые честолюбивы.

Доктор плотней запахнул полы полушубка: подмораживало, середина марта выдалась холодной. Зубцы Кремлёвской стены чётко рисовались на прозелени неба, стены и брусчатка покрыты изморозью. Из дворцовых дверей выходили соратники покойного. Чекист Иван Чугурин, бывший с Яковым и в тюрьме, и в Нарымской ссылке, осунувшийся, но подтянутый, деловитый, на ходу отдавал распоряжение телеграфировать товарищам в другие города и за границу. Телеграммы, телеграммы полетят сейчас повсюду, ведь где только ни работал Свердлов, он же товарищ Андрей: Нижний, Саратов, Рязань, Кострома, Самара, Ярославль... Доктор хорошо знал биографию своего высокого пациента.

Полоцкий мещанин, приписанный к Витебской черте оседлости, Яков был природённым бродягой, не имея ни дома, ни имущества. Не привязанный ни к чему — ни к нации, ни к стране, ни к отчей семье. Да и семья наособицу: при живом отце старший сын, Зиновий, приняв православие, назвался сыном Пешкова. Нет, ни к чему личному не был привязан отвязный отрок Яков Свердлов, ничто для него не существовало, кроме идеи. Россия лежала перед ним гигантским невозделанным полем со всеми своими церквями и колокольнями, особняками и деревнями — тысячелетнее сонное царство, ждущее пробуждения к новой свободной жизни. Яков, от рождения Янкель-Аарон, был чужаком в этом державном укладе, изгоем по факту своего рождения — зато мнил себя своим в каждой рабочей семье, в любой стране среди единомышленников. Народ рассеяния умеет глядеть через границы. Забавно: пёстрые еврейские газеты о детях в Германии, Франции или Америке сентиментально писали под рубрикой «Наши дети». Но не эта «нашесть» была важна, а умение игнорировать границы государств. Биологическое родство, нация была для Якова вредоносным предрассудком, отравляющим организм гниющим аппендиксом, который следовало удалить. Он видел себя гражданином мира.

Исходил он при этом, разумеется, не только из глубин собственной психологии, но в делах политики брал пример со своего ещё отроческого идола Робеспьера. Это Робеспьер представил в Конвент проект декларации прав, где говорилось, что «люди всех стран» суть «граждане одного и того же государства», обязанные помогать друг другу, а «монархи, аристократы, тираны, каковы бы они ни были» — вредные твари, бунтующие против природы. Свердлов и Ленин всерьёз рассчитывали на революции в Германии и США, надеясь раздуть мировой пожар. «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем».

*И настанет година свободы:
Сгинет ложь, сгинет зло навсегда,
И сольются в одно все народы*

В вольном царстве святого труда, — пелось в гимне

Российской Федерации на мотив Марсельезы.

При этом чудовищно допускалось, что большая часть населения погибнет — зато, мол, остальные заживут счастливо. (Неправедность не родилась с большевиками — она вписана в историю человечества, которое не жило ещё без войн. В конце концов ад для грешников измыслил не Господь, а люди: праведники направо, грешники — налево...)

Будучи председателем комиссии по выработке Конституции и объявив в России диктатуру пролетариата в целях построения социализма — рая на земле, — Свердлов подчеркнул, что это будет свободный союз свободных наций. Федерация Советских национальных республик. Конституция заявляла, что РСФСР предоставляет право убежища всем иностранцам, подвергающимся преследованию за политические и религиозные преступления. Национальность должна со временем отмереть, народы обняться в едином порыве.

...Можно вообразить, как Мосия Свердлов с сыновьями нараспев читает субботнюю молитву и как тогда сверкают чёрные глазёнки Янкеля-Аарона! Но от чего — от вдохновения или от дьявольской насмешки над бесполезным ритуалом, пусть мальчик и был почтительным любящим сыном? Впрочем, и отец семейства вовсе не был правоверным евреем. После смерти жены, матери Якова, он принял православие и женился на русской, родив ещё двоих сыновей. Яков же уже в свои 10 лет понял, что его не устраивают порядки в мире и незачем униженно благодарить Творца. Жаркая мечта детских лет запала в душу: он призван исполнить миссию. Нет, стать не мессией для одного лишь избранного народа, но призвать к единению и счастью всех людей труда, вне национальности и границ. Семья отмирала, своеобразно применив евангельский принцип: *«Оставь отца своего и мать свою и иди за Мною»*. (Ранние христиане рьяно следовали этому принципу, отрекаясь от родни, отказываясь ходатайствовать за родных и даже их лечить; эти сюжеты можно найти у святителя Игнатия Брянчанинова. А в новейшее время Павлик Морозов воплотит этот принцип с полной верой в свою правоту.)

«Буревестник революции» возвестил: «Кто не с нами — тот против нас». И не он придумал. Евангелие от Матфея в гл. 10 гласит: *«А если кто не примет вас и не послушает слов ваших, то, выходя из дома или из города того, отрясите прах от ног ваших; истинно говорю вам: отраднее будет земле Содомской и Гоморрской в день суда, нежели городу тому»*.

Наказ Иисуса отрясти прах от ног перефразирован русской Марсельезой на слова П. Лаврова: *«Отречёмся от старого мира, отряхнём его прах с наших ног»*. И беспощадней — *«Если враг не сдаётся — его уничтожают»*.

Этот клич провозгласил земляк Свердлова, усыновивший старшего брата Якова, который стал Зиновием Алексеевичем Пешковым. Алексей же Пешков назвался Горьким, из-за своей детской ещё горечи задумав разрушить старый мир.

Детская мечта, нет, вековая мечта — но... Непреодолимое НО! Замучить хотя бы и одного единственного ребёнка, чтобы на этом построить царство гармонии? Свердлов, жадный до книг и образования, читал Достоевского. Однако вопрос о всеобщем счастье на крови он решил в пользу крови. Что касается Достоевского с его «Великим инквизителем», с его пророческими «Бесами», бесы его трусливо и позорно отвергли в новом мире; даже собственный правнук Фёдора Михайловича преодолел советское табу «достоевщины» и прочтёт творения своего предка только в весьма уже зрелом возрасте...

Нет, кровь не пугала большевиков. И лилась рекой. В 1918 году в Петрограде мирную демонстрацию в поддержку Учредительного собрания расстреляла Красная гвардия. Стреляли в интеллигентов, служащих, студентов, рабочих. Мрачное преступление истории — рассказывание. И к этому зверству Свердлов приложил руку.

Террор исповедовали как религию. Ленин пытался злобно насмеяться над Толстым, помянув «рисовые котлетки». Белобородов писал в одном из писем, жалуясь на мягкость приговоров, выносимых ревтрибуналами на Дону: *«Необходимо организовать чрезвычайки и как можно скорее покончить с трибунальным словоизвержением... Основное правило при расправе с контрреволюционерами: захваченных не судят, а с ними производят массовую расправу... я на этом настаиваю самым решительным образом».*

Свердлов, прежде всего он, стал инициатором массового красного террора. Целил в царский трон, но и сам пал в разгар деяний своих, в середине срока. И что победило — невидимый вирус. Или...

...Над Красной площадью загрохотали вороны, их резкие крики были зловещи и древни, как мир, их библейские кличи сзывали на мрачный кладбищенский пир. Неистребимые, вечные, вещие птицы с чёрными маслянистыми головами и разбойничьими глазами, они призывали править тризну по уходящей России... Траурные редкие облака плыли по жидкой синеве небес, и презрительная усмешка чудилась там, вверху, будто Вышний насмешливо и скорбно глядел на грязную, неустроенную, кровавую землю, где её обитатели никак не могут поделить жалкий прах бытия и вместо радости жизни и любви дарят друг другу лишь ненависть и разрушение...

Не так должны жить люди, нет, нет и нет. Обнимитесь, миллионы! Только вот как прийти ко всеобщему братству? Кого брать в новое царство справедливости? Половину людей? А другую куда же? Если семена убийства посеяны — они дадут всходы... кровавые всходы...

Красноармеец в шинели перёсек площадь, неся тяжёлый отрез чёрного крепа. За ним — ещё двое, молча, как бы крадучись, видимо, снять мерку для гроба. Нужен ещё и приличный костюм — своего у Свердлова ничего, кроме старого демисезонного пальто, в каком вышел из последней тюрьмы. В казённой квартире — там скатерти, посуда, кресла — всё казённое. Так это и пойдёт впредь — ничего личного, всё общее, как бы выданное напрокат ради работы для общего счастья. Человек — винтик огромного механизма, озабоченный единственно работой этого механизма, забывающий о себе, несущий жертвы и требующий жертв². Жертва! Центральный постулат религии, таинственное учреждение, принятое как данность. *«Вы жертвою пали в борьбе роковой»* — революционный реквием, известный ещё с конца XIX века.

*Порой изнывали вы в тюрьмах сырых,
Свой суд беспощадный над вами
Враги-палачи уж давно изрекли,
И шли вы, гремя кандалами.*

*А деспот пирует в роскошном дворце,
Тревогу вином заливая,
Но грозные буквы давно на стене
Чертит уж рука роковая.*

Пир Валтасара! Роковые буквы на стене, написанные огненной рукой: «взвешено, сосчитано, измерено». Ветхозаветный образ гибели тирана.

...Ага, вот несут приличную одежду покойнику. А то ведь всё кожанки, френчи, высокие сапоги... ряженые! Видно, нельзя не рядиться. Хлеба и зрелищ! С хлебом напряжёнка, но зрелища обеспечены. Ритуал необходим. Куда же без ритуала? Красный уголок с иконкой Ленина — по примеру красного угла в крестьянской избе с иконой в божнице. Дом крестьянина — в подражание Домам трудолюбия, устроенным вот хоть Иоанном Кронштадтским. Новая религия, новые ритуалы...

² В 1935 году в бывшем служебном кабинете Свердлова обнаружат секретный сейф с золотом, драгоценностями, поддельными бланками и паспортами. В 1990-е годы поднимут злорадную шумиху по поводу якобы корыстолюбия Свердлова, будто не понимая, что речь идёт о золоте партии для будущих революций. Как было опытному подпольщику, с 16 лет привыкшему к конспирации и побегам, не запастись бланками поддельных паспортов? Не обеспечить средства на случай поражения революции в одной отдельно взятой стране? Расчёт был на мировую революцию; Свердлов не раз уверенно говорил, что если в России коммунистическая революция потерпит поражение, она произойдёт в Германии и США, а оттуда вернётся в Россию. «Фишка» здесь не в корыстолюбии, а в преступном замысле раздуть мировой пожар, присвоив себе Божью функцию Страшного суда...

Жили будущим и другим предлагали жить не здесь и сейчас, но — грядущим. «Человек создан для счастья как птица для полёта». Только вот за-кавыка: птица не может не летать, она живёт только пока летает, а человек, выходит, счастье должен отодвинуть в неведомое будущее? Ну да, верили, что будет всеобщее счастье, а как его достичь? Там увидим, решим по ходу дела. И вот так, без всякого плана, решили сломить вековые устои, исторически сложившийся уклад. «Безумству храбрых поём мы песню!» Ломи с кондачка! Даёшь! Ура! Ах, русский авось! Ах, по щучьему веленью, по моему хотенью! Сказку-то сделать ли быльё? Построить обыденное счастье как обыденный — одним днём возведённый — храм?

Не бог, не царь и не герой? Тут явно мессия замешался. Не зря древнюю религию приняла так кровно славянская душа — своя она, близкая, с её мессианскими чаяниями освобождения всего мира разом от власти насилия и зла в чаянии нового неба и земли новой...

...18 марта 1919 года Красную площадь затопило серое море солдатских шинелей; кровью алели знамёна, сверкали штыки, на чёрном траурном крепе пестрели цветы и лозунги, среди них полотнище с надписью: «Мы тебя никогда не забудем». Шеренга людей в кожанках стояла стеной, словно взамен одного Свердлова возродилось войско его двойников. Виднелись и люди в папах как бы в доказательство, что и «красное казачество» заодно с большевиками и тоже скорбит. Гроб Свердлова, весь в цветах, из Колонного зала понесли на руках к Некрополю возле Кремлёвской стены. За гробом процессия несла огромные букеты цветов в пальмовых листьях. Коммунисты умело использовали религиозные символы, переворачивая их с ног на голову. Через пять лет пальмовые ветви понесут Ленину перед входом, нет, не в Иерусалим, а как бы в бессмертие. И будут петь про вечно живого и про то, что «Ленин в тебе и во мне», приспособив религиозный постулат о том, что Бог внутри нас...

Сейчас Ленин, в тёплой шапке чуть не до самых грозно сдвинутых бровей, энергично поворачиваясь вправо и влево, охватывая всю площадь, ораторствовал:

— В эту эпоху, в самом начале XX века, перед нами был товарищ Свердлов как наиболее отчеканенный тип профессионального революционера... Мы опустили в могилу пролетарского вождя, который больше всего сделал для организации рабочего класса, для его победы... — Владимир Ильич картавил больше обычного; калмыцкие глаза его подзаплыли, но чёткости мысли, страсти к формулировкам и политическим оценкам скорбь не поколебала. Вождь говорил резко, почти ожесточённо чеканил слова, будто обвиняя тёмные силы. Он не имел права предаваться личным чувствам — он формулировал, подводил итог, преподавал урок. Это был человек-функция. Всё — и траур также — шло на потребу Революции.

— Память о товарище Якове Михайловиче Свердлове будет служить не только вечным символом преданности революционера своему делу, будет служить не только образцом сочетания практической трезвости и практической умелости, полной связи с массами, с умением их направлять, — но будет служить и залогом того, что все более и более широкие массы пролетариев, руководясь этими примерами, пойдут вперёд и вперёд к полной победе всемирной коммунистической революции, — чеканил Ленин. Слова подкрепил пушечный выстрел. Стая воронья взлетела от грома пушки, каркая, злобно взвилась. Над Кремлём плыли облака, равнодушные к людской суете сует.

Итак, победа всемирной революции. Ни больше ни меньше! А ведь о всемирной революции не мечтали даже якобинцы. Нашим важнее всего было скинуть, разрушить до основания, а вот что затем... Даже вполне практичный и могущий бы при доброй воле осуществиться проект о передаче земли крестьянам оказался обманом. Новая власть начинала с сознательного обмана, ложь не считая пороком, прибегая к ней постоянно как к своему действенному орудию. Воистину орудию дьявола! Крестьяне обращены в рабов, ввергнуты в колхозах в путы крепостного права новых хозяев. Обмануты, закомучованы... Завлекали Хлебом, вечным священным хлебом — panis — хлебом, который поедала в виде священной субстанции ещё римская чернь — panis, плоть бога Пана... А хлеба не только не дали, но отбирали последнее из деревень для города и железа, вот для того молота, который победил, убил, изничтожил пшеницу. Но всё это произойдёт позже, уже при кровавом маньяке Джугашвили. А пока — ещё вера в то, что вот потерпеть, а там, впереди... Впереди дворец за одну ночь и царская дочь в подарок... Вот только царская дочь вместе с царем и царицей оказались в смертном подвале.

Сначала кровь пролилась в подвале дома Юсупова в Петербурге. Знать наивно верила: убить главного злодея — и заживёт Россия. Хлопнула священного старца — Распутина, начав десаκραлизацию царской власти. В народе ненавидели «немецкую шпионку» царицу Александру Фёдоровну — как некогда чужестранку Марию Антуанетту, — а заодно и её протезе Распутина, болтая невесть что.

А ведь священные старцы — особый институт мифотворчества (заслуживающий всяческого изучения). Идёт из глуби веков (вот и в «Весну священную» Вацлав Нижинский с его интуицией вставил идолообразного старца, слепого и вещего, он же — безглазое, гнилое русское Лихо. В новой редакции балета в Мариинском театре старца уже нет). Распутин предрекал: когда не будет его, кончится и царская власть. И этот звериномудрый старец инстинктом чуял: упразднит древнего языческого идола — не будет и священного ореола царской власти. Так и сбылось.

...Цареубийца! — свистящим шёпотом выдохнул некто из толпы простонародья — мужик, мотнув головой в сторону свежей могилы у Кремля, мгновенно ретировался, затерялся в толпе, сгрудившейся за линией серых шинелей и штыков. Убийца!

...Свердлов был, считается, в Москве, когда 17 июля 1918 года в подвале Ипатьевского дома в Екатеринбурге расстреляли всю царскую семью: Царя, Царицу, пятеро детей, а также их приближённых. Однако...

Троцкий, например, будучи за границей в эмиграции, прямо обвинит в расстреле царя Ленина и Свердлова, отдавших прямые распоряжения уральцам. Всё остаётся до конца не прояснённым до сих пор. Зато мнение историков единодушно в одном: «Кажется, ближе всех к ответу на вопрос: „А кто решал?“, заданный Троцким Свердлову, был сам Троцкий. Он (да и другие большевики) постоянно смотрелся в „зеркало“ истории Французской революции, мысленно примеряясь плечом к плечу к её якобинским вождям. Казню Людовика XVI и Марии Антуанеты Конвент, как писал С. Цвейг, хотел „провести кроваво-красную линию между королевством и республикой“. Большевики копировали и это», — пишет историк XXI века. С оглядкой на Французскую революцию развязали и красный террор, ставя его себе в заслугу. Действовали по примеру Робеспьера. Робеспьер в одной из речей отвергал юридическую точку зрения, становясь на политическую. «Людовик — не подсудимый, а вы — не судьи, вы государственные люди, представители нации... Ваше дело — не произносить судебный приговор, а принять меры в видах общественного блага, выполнить роль национального провидения». Он требовал «смерти Людовика, чтобы жила республика». Робеспьер убеждал Конвент «наказанием тирана скрепить общественную свободу и спокойствие». Долг перед отечеством и ненависть к тиранам, по его словам, должны взять верх над человеколюбием. Довольно широко известна похожая формулировка деятельности карающих органов российской революционной власти, опубликованная в газете «Известия ВЦИК». Первый председатель Реввоентрибунала РСФСР К. Данишевский заявил: «Военные трибуналы не руководствуются и не должны руководствоваться никакими юридическими нормами. Это карающие органы, созданные в процессе напряжённой революционной борьбы».

В протоколе № 271 заседания СНК под председательством Ленина значилось, что «необходимо обеспечить Советскую Республику от классовых врагов путём изолирования их в концентрационных лагерях, что подлежат расстрелу все лица, прикосновенные к белогвардейским организациям, заговорам и мятежам».

В бегстве Людовика XVI Робеспьер видел контрреволюционный заговор и угрозу революции. О якобы готовящемся бегстве будут говорить и большевики в оправдание расстрела царской семьи.

Только не надо делать вид, будто впервые в истории случилось убийство монарха. Сколько правителей пало, начиная с Древнего Рима, нет, раньше... Убивали братьев, племянников, детей, а не то что... Да, впервые не равные, а подданные, плебеи, рабы убили правителя, презрев сакральность власти и заменив её на сакральность революции. Здесь также во многом копировали французов, которые провозгласили нового бога и новую сакральность.

Однако в России проявили «варварскую дикость». «Там, во Франции, были суд, эшафот, казнь. Здесь ночью в подвале — фактически убийство из-за угла», — возмущается один из хора современных историков. Расхожий упрёк: расстрел без суда.

Чего захотели — суда! Посреди беспощадного русского бунта — суда! А у нас был когда-нибудь суд? Россия миновала эпоху Судей, благополучно перескочив сразу к книге Царств. При Грозном самосуд, при Сталине кроваво-шутовская малюто-скуратовская пародия на суд под казуистику иезуитского тенора Вышинского с его глумливой «высшей мерой»... Даже Ельцин в эпоху перестройки с его народным чутьём не решился прибегнуть к суду — ни над Сталиным, ни над кровавой партией. Всё та же вечная память, нестроение и неразбериха — кому и кого судить? До сих пор басманный суд не можем мы назвать истинным судом. Европейский суд так у нас и не сложился... А чтобы суд в 1918 году?.. Пустой разговор! Стал бы судить Николая II тот вчерашний крестьянин, а потом палач, что воскликнул радостно: «Трогал царицу за п... теперь и помирать можно!» — весь во власти мифологической веры в «пчелиную матку», царицу-матушку, чья особа священна, а потому и убийство её мифологически-ритуально, отвечает глубинным языческим мифам (начиная с Елены Прекрасной) и должно очистить Русскую землю для нового мира...

Нет, не чья-то единоличная злая воля, не распоряжение Ленина или Свердлова играли в деле расстрела царской семьи первую скрипку. Суть трагического акта в том, что вожди революции на гребне волны могли удержаться на нём, только лавируя в лад с этой волной...

Ничего одни большевики сделать бы, разумеется, не смогли. Они использовали революционную ситуацию в стране, усугублённую войной. Похоже, гражданской войны было не избежать. Много можно сказать и про богоборчество, обращаясь к истории многочисленных русских иконоборческих и прочих сект. Так что робеспьеры-то они робеспьеры — «но только с русской душой»...

2.

С утра было невыносимо душно. Тюлевые шторы безжизненно свисали вдоль распахнутых окон, за которыми пышно и томно раскинулся цветник: бордовая петунья, белоснежная царская невеста, кусты чайных роз с нежным

волнующим запахом. Василий Фролович³ батистовым платком промокнул потную шею и присел на оттоманку. Середина июля, такое пекло! На отрывном календаре чернела дата: 17 июля. Василий Фролович передёрнулся. Что же это, неужто проклятая дата так и сидит гвоздём и саднит подспудно все эти годы?

— Странно, мне вспомнился июль 18-го года, — сказал он дочери. Соня, крупная, в отца, но рыжая, как мать, яркая, красивая, накрывала на стол к обеду. На столе, как и во всей обстановке квартиры, старинные пышные вещи соседствовали с аскетичными советскими предметами. Муж Сони, Владимир Иванович Репин — репатриант из Шанхая, она — молодой врач-психиатр. Сейчас Соня рядом с чашечкой сквозящего на солнце китайского фарфора, отбрасывающего на крахмальную скатерть золотистое пятно, положила вилку с железными плебейски-короткими зубцами. Она обернулась к отцу:

— Так что стряслось 17 июля? Ты сделал предложение маме?

— Мы с ней к тому времени были уже месяц женаты. А в тот день... 18 года... расстреляли царя.

— Что ж, расскажешь Егорке, когда подрастёт. А почему ты вспомнил про... то? Ты же сам не участвовал?

— Я — нет. Скорее, жена, твоя мама. Хотя и косвенно. Ты же знаешь, она была секретарём Исполкома Уралсовета рабочих депутатов.

...В тот день Надежда Павловна печатала протокол заседания Исполкома Уральского Совета при участии Якова Михайловича Свердлова. К ночи он тайно прибыл в Екатеринбург, город, где некогда создавал боевые дружины, вооружённые ружьями и ножами. (Ножи эти потом будут выложены в витринах музея имени Свердлова на главной улице Свердловска.) Ему было тогда всего шестнадцать, в нём кипели страсти. Ненависть к угнетателям, жажда самореализации, иссушающая жажда мести, пылкие мечты о преображении мира голодных и рабов — всё смешалось в адском котле со смертоносным варевом. И все эти порывы — редкое сочетание — подчинялись железной воле и поставленной цели. Яков Свердлов был прирождённый лидер и экстремист духа. Он уже тогда играл в Робеспьера и ставки делал по максимуму. Сегодня предстояло идти ва-банк. Надо было лично проследить за исполнением смертного приговора царю, присмотреть за малограмотными и могущими напортачить уральскими подчинёнными. Иначе не мог поступить теоретик «красного массового террора». Ряженный в знаменитую кожаную тужурку, в коже от козырька до носков сапог,

³ Имя вымышлено. Подлинное имя секретарши и её мужа, а также судьбы этих двоих автору не известны, в отличие от имён и судеб других персонажей очерка, переданных документально.

словно в блестящем панцире, маленький да удаленький, с тёмно-смуглым лицом и вкрадчивым, вкрадывающимся в сердце голосом, он воплощал душу террора — если только террору нужна душа.

...Яков Михайлович остановился за спиной секретарши. Та замерла, предупредительно подняв пальцы над раскрытой пишмашинкой; председатель ЦИКа произнёс:

— Вверху гриф «совершенно секретно».

И пошли имена, имена...

Годы спустя, когда при Надежде Павловне упоминали Свердлова, она неизменно говорила:

— У него был удивительный голос, удивительный!

Да, голос — громовой, потрясающий весь зал, и в то же время с мягким шарующим тембром. Оратор воздействовал как железной логикой, так и физической притягательностью голоса.

Наденька отбивала на машинке имена: Николай Романов, Александра Романова, Ольга... Татьяна... Мария... Анастасия... Алексей Романов. Машинка дробно стучала. Стукнула тысячу раз и остановилась. Яков Михайлович рядом с нею на стол положил в красном фантике карамельку: «Это вам». Свердлов был сентиментален. В снимках на столе у него постоянно стояла карточка «его Кади» — гражданской жены Клавдии Новгородцевой. Дорогой, милой жёнке он писал каждый вечер, письма неизменно оканчивая словами: «Ты и детки, конечно, давно и крепко-крепко спите». Он был любящий муж и отец. Палачи, как правило, любят своих жён, детей и собак. Человечество гораздо легче пятнает свою честь головой, нежели задом (Ромен Гари), так что идейные маньяки свои политические извращения обычно пытаются компенсировать правильностью частной жизни. Кроме того, вся энергия должна отдаваться революции. Хотя убогое однообразие частной жизни — не свидетельствует ли оно о некоей примитивности психологии или заикленности на одной всепоглощающей страсти? Взять того же Ленина... Но к делу.

Секретарша поделилась с мужем сногшибательной встречей с пламенным Яковом. Но она вряд ли знала подробности, постыдные для Истории человечества (если только Историю, эту весьма подержанную даму, чем-то можно смутить).

В полночь, когда над яминой, где тонул по самую крышу во мраке дом Ипатьева, туда вошёл комендант дома Яков Михайлович Юровский, его заместитель Пётр Григорьевич Никулин, Пётр Захарович Ермаков, ещё несколько человек и председатель ЦИКа Яков Михайлович Свердлов. Заключённым приказали одеться и спуститься в нижнюю часть дома якобы из-за угрозы артобстрела города. Здесь, в подвальной комнате, перед вооружёнными людьми выстроилось 11 человек: царь, царица, четыре их дочери

и двенадцатилетний сын, врачи, фрейлина, камердинер. «Решением исполкома Уралсовета»... — раздалось слова, и с последними словами — выстрелы. Одновременно упали царь и царица. За ними дети. Последней оставалась девятнадцатилетняя красавица Мария; белая, как мел, с огромными глазами во всё лицо, она закричала: «Не убивайте меня! Я хочу жить!»

Тогда стальной чёрный дьявол цепкой рукой поднял револьвер и выстрелил в голову Марии. Она так и упала, как стояла, с протянутой, взывающей к милосердию рукой. Яков Михайлович, не взглянув на трупы, вышел, на ходу отдав приказание закончить без него, расстрелять остальных — фрейлину, врача, повара, приближённых.

Таков рассказ, слышанный в семье Репиных уже в годы перестройки. А было или не было, уже, видимо, не установить. История не любит вспоминать грешки прошлого, если не в силах его приукрасить. Малограмотная расстрельная команда — Голощёкин, Ермаков, Никулин — пугается в деталях, оспаривая «честь» личного убийства царя, не помня или вообще не зная всех стрелявших — их было не меньше 12 человек (какова цифра!). Кроме того, стреляли ещё из соседней комнаты через открытую дверь невидимо кто, в том числе венгры (есть версия, что лично Имре Надь), так что был ли в подвале Ипатьевского дома Яков Свердлов — точно не известно. Да и знали или нет его в лицо члены Уралсовета? Фотопортреты видных коммунистов в 18-м году ещё не продавались в каждом киоске.

Но вот строго документальный факт: жена Свердлова в своей книге пишет про те дни: *«Как-то в середине июля 1918 года <...> Яков Михайлович вернулся домой под утро, уже светало. Он сказал, что задержался на заседании Совнаркома, где, между прочим, информировал членов СНК о последних известиях, полученных им из Екатеринбурга.*

— Ты не слыхала? — спросил Яков Михайлович. — Ведь уральцы расстреляли Николая Романова.

Я, конечно, ничего ещё не слыхала. Сообщение из Екатеринбурга было получено только днём». В сообщении этом говорилось, будто решение было принято на месте Уральским исполкомом совета, и только потом расстрел одобрен Москвой.

Итак, Свердлов вернулся под утро (17-го или 18-го?), уже зная о расстреле царя. Если 17-го он, получается, отбыл обратно в Москву, не дожидаясь рассвета. Уже без него в 4 утра тайно трупы казнённых были привезены в деревню Коптяки, в заброшенные шурфы, и там сожжены известью и погребены в Ганиной яме.

*Раздетый труп они швырнули
(Пусть мухи поедят!)
Смеялись, что так вздуто горло,
Чист и недвижим взгляд.*

*И с хохотом ему творили
Из извести наряд⁴.*

Свердлов, «человек-лёд», «человек-алмаз», по определению Луначарского, тем не менее сказал жене:

— Я, наверное, больше не смогу улыбаться.

Идейные маньяки, в теории готовые весь мир ввергнуть в кровавую бойню, мнящие себя сверхчеловеками, остаются при всём при том внутри «человеческого, слишком человеческого». И даже при том, что убитые не были для палачей людьми в подлинном смысле слова. Черни типа Петра Ермакова царизм мнился семиглавым змеем Горынычем, схваткой с коим они потом будут всемерно гордиться.

*Царь-вампир из тебя тянет жилы,
Царь-вампир пьёт народную кровь.
Ему нужны для войска солдаты –
Подавайте ему сыновей.
Ему нужны пиры и палаты –
Подавай ему крови своей.*

Похожие строки о царе-вампири из русской Марсельезы будут вставлены и в приговор исполкома Уралсовета...

Для реввождей «классовый враг» находился «по ту сторону черты», и его жизнь бралась в расчёт только в применении к выгоде новой власти. Царя не сразу решились убить лишь из-за риска повредить революции в глазах других стран, а ещё в расчёте обменять его жизнь на золото.

...Итак, завершилась полудетская забава, когда Яков, учась стрелять, целил в картонную голову царя. Теперь тот выстрел прогремел на весь мир, и путь был расчищен для «светлого будущего человечества». Причём жить Свердлову оставалось около года. Слишком всё взаимосвязано на земле. Капля крови, положенная в основание, просочится сквозь камень... Сколько ни стирай, сколько ни замазывай, выступает вновь и вновь, всё ярче, всё свежей... А слезинка ребёночка проест бетонный фундамент любого здания...

Может, и не было прямого участия Свердлова в расстреле царской семьи. Как проверить? Осталось лишь устное предание — мастер красочных метафор. Самый дом инженера Ипатьева скрыт до основания через 60 лет после расстрела царя по секретному распоряжению КГБ. Значит, понимали, куда тянется цепочка, а потянулась она через красный террор к 37-му году и дальше. Мечта о свободе и счастье человечества обернулась кровавой пародией, жупелом для всех стран. Уже не в годы гражданской войны, а в так называемое мирное сталинское время кровавая вакханалия в России

⁴ Оскар Уайльд. Баллада Редингской тюрьмы. Перевод Валерия Брюсова.

ширилась, став чудовищными буднями. Вот чему положил начало выстрел в Ипатьевском доме.

Свидетелей расстрела царя и его семьи не осталось.

Но вот жил такой человек в середине XX века — Владимир Иванович Репин. И он вспоминал не раз рассказ своего тестя, когда тот, подвыпивши, выдавал тайны расстрела в Ипатьевском доме.

Итак, события, если принять версию семьи Репиных, можно реконструировать следующим образом: вечером 16 июля в Кремль — прежде всего на имя Свердлова с копией Ленину — пришла телеграмма из Екатеринбурга с требованием немедленно разрешить проблему с царём ввиду сложности обстановки. В фонде Совнаркома государственного архива РФ сохранилась телеграмма, отправленная 16 июля 1918 года в Москву из Екатеринбурга через Петроград: *«Из Петрограда. В Москву, Кремль, Свердлову, копия Ленину. Из Екатеринбурга по прямому проводу передают следующее: сообщите [в] Москву, что условленного с Филипповым суда по военным обстоятельствам не терпит отлагательства. Ждать не можем. Если ваши мнения противоположны, сейчас же, вне всякой очереди сообщить. Голощёкин, Сафаров.»*

Пометка: Принято 16.7.1918г. в 21 час 22 минуты».

Таким образом, телеграмма была получена в Москве 16 июля в 21 час 22 минуты. (Упомянутый «Филиппов» — Филипп Голощёкин.) Тотчас же Свердлов вылетел в Екатеринбург самолётом⁵ на месте разрешить все вопросы, надиктовать решение о расстреле и лично организовать расстрел царской семьи, а затем под утро 17-го июля вернулся обратно в Кремль, домой.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, официальное решение о расстреле Николая II было принято 16 июля 1918 года Президиумом Уральского областного Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. Оригинал этого решения не сохранился (!!!).

...Судьба семьи секретарши, знавшей о приезде в Екатеринбург Свердлова, трагична: все погибли. Соня, врач-психиатр, была сбита насмерть на «скорой помощи» мощным грузовиком — классическое «происшествие»; сын Сони Георгий Репин, красавец студент Уральского Политехнического института, начальник комсомольского стройотряда, упал с внезапно рухнувших строительных лесов и после длительной комы выжил, но остался инвалидом. После смерти отца Владимира Ивановича Репина, препода-

⁵ Известно, что у председателя ЦИКа был личный поезд. Но наверняка правительство РФ располагало также и возможностями дальних перелётов. Известно, что ещё в 1914 году по указу императора Николая II была сформирована первая в мире эскадра самолётов дальней авиации. Декрет Совета Народных Комиссаров, принятый 22 марта 1918 года, утверждал формирование Северной группы воздушных кораблей «Илья Муромец».

вателя английского языка, страдающего манией преследования, Георгий в 1991 году забаррикадировался в своей квартире в страхе перед КГБ (ему также всюду чудились агенты) и погиб, вероятно, голодной смертью. Его нашли не сразу. От всей семьи не осталось и следа.

Главные участники расстрела царской семьи — Белобородов, Голощёкин, Дидковский расстреляны в конце 30-х годов, Юровскому посчастливилось в 38-м году умереть своей смертью (хотя кто знает, своей ли?). «Старая гвардия» большевиков почти целиком репрессирована, уничтожена: мавр сделал своё дело — мавр может уходить. Новые бандиты хотели начать «с чистого листа»...

...Сегодня почти невозможно установить, как в точности всё было на самом деле. Не могла ли секретарь-машинистка перепутать Юровского со Свердловым, имея в виду ещё и совпадение их имён-отчеств? История гибели всей семьи секретарши, печатавшей расстрельные списки, подозрительна. Зачем-то ведь «убрали» всю эту семью, в то время как берегли и лелеяли главного убийцу царской семьи Якова Юровского (впрочем, лишь до 38-го года). Во всяком случае, подстава одного Якова вместо другого была бы вполне в стиле большевиков с их пристрастием к разного рода маскировкам, инсценировкам и запутыванием следов. Слишком уж назойливо они выставляли всюду «местного» Юровского, ведь убийство царской семьи без суда и следствия, да ещё и ни в чём не повинных детей компрометировало правительство в глазах мировой общественности. Всё хотели свалить на уральцев. После смерти Юровского, кстати, репрессировали его жену и дочь. В то время как самого Свердлова могли уже через год после расстрела царя спохватиться и «убрать», чтобы спрятать концы в воду и обелиться от чёрных дел террора. Некоторые современные историки полагают, что смерть Председателя ЦИКа была спланирована.

...На Марсовом поле в Санкт-Петербурге — революционном Некрополе — покоится прах павших в годы революции под примечательными надписями на розовом граните:

«Со дна угнетенья, нужды и невежества поднялся ты, пролетарий, себе добывая свободу и счастье. Всё человечество ты осчастливишь и вырвешь из рабства».

«1917–1918 вписали в анналы России великую славу, скорбные светлые годы, посев ваш жатвой созреет для всех населяющих землю».

«К сонму великих ушедших от жизни во имя жизни расцветает героев восстаний разных времён, к толпам якобинцев борцов 48, к толпам коммунаров ныне примкнули сыны Петербурга» (Автор текстов Анатолий Луначарский.)

Толпы туристов из разных городов и весей России и всего мира фотографируются на фоне гранитного Некрополя и — видного отсюда, с Марсова поля, Храма на крови, построенного на месте убитого бунтовщиками царя...